

PC
0-51
КР 1373140

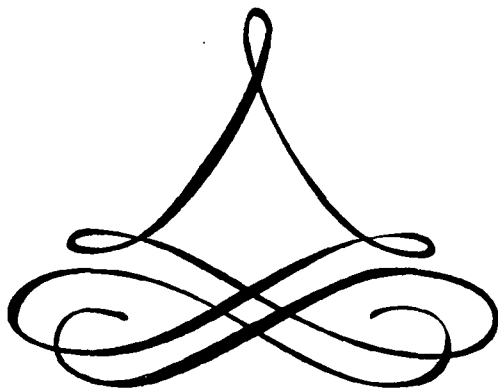
кр

УКРАИНА

Посвящается
памяти
М.И. Сидоренко

Череповецкая
литература :
отчёт о
деятельности

Здравствуй , мой юный друг!

То, что ты держишь в руках, нельзя назвать обычным литературным журналом. Это летопись. Летопись череповецкой литературы. Но здесь ты не найдешь записей по годам и скупых строк хроники. Задача нашей летописи – создать из разбросанных осколков картину нашей поэзии. Кому-то может показаться, что это слишком субъективно, когда один человек пытается обобщить труд целого поколения. Не расстраивайся! Это лишь первая попытка. В дальнейшем, летопись вберет в себя мнения и голоса, какие будут услышаны.

С уважением, редактор-летописец.

МУЗА НАШЕГО ГОРОДА,

Что такое череповецкая литература? Существует ли она как самобытное явление? Или Череповец - это лишь название города, но отнюдь не культурного центра? Кому-то может показаться, что так оно и есть. Но вспомним историю. Современный Череповец не возник в 1777 году, по петербургскому указу. Он появился во времена строительства металлургического завода. Современный Череповец – это Вавилон наоборот – смешение языков, на месте великой стройки должно превратиться во что-то единое. Первоначальная культура современного Череповца – дикая смесь в состоянии взвеси. С той поры прошло меньше полувека, так что говорить об отсутствии самобытной культуры еще рано. Взвесь еще оседает. Когда же она осядет? Вероятно тогда, когда мы свою самобытность осознаем. Благо, условия для появления культурного центра есть: библиотеки, музеи, театры, университет, наконец... А что же литература? Какова ее роль в этом? Раньше, когда любой пастух играл на дудочке, самым демократичным искусством была музыка. Теперь, в эпоху всеобщей грамотности – это словесное творчество. Именно литература – зеркало состояния культуры, показатель ее уровня. Так что же такое череповецкая литература?

Ее, по аналогии с вычурной западной терминологией, можно назвать «поколением еще не проснувшихся». То есть еще не осознавших свою самобытность. Ну, а те, кто проснулся, видят странную и удивительную картину, словно и в самом деле после долгого тяжелого сна... Понятие «единое литературное пространство» для Череповца неприменимо. Его здесь просто нет. Типичной является тактика «отсживания в одиночных могилках». И. Эпанаев (зам.редактора журнала «Нахаленок»), с горечью в сердце, говорил, что большинство авторов его журнала не знакомы друг с другом. Поэтому можно вполне серьезно утверждать, что череповецкая литература – это литература одиночек. Конечно, есть и Городское Литературное Объединение и Союз Друзей Слона Джамбо. Но на всем этом лежит какая-то безнадежная печать захолустности. Дело в том, что все подобные организации – это группы людей, объединенных какой-то эстетической позицией. Вспомним символистов, акмеистов, футуристов. Даже Союз советских писателей был организацией сторонников соцреализма. У наших же группировок довольно сложно выявить идейные принципы. Союз Слона в своих эстетических концепциях не пошел дальше мысли, что «фаллический символ – это жалкое подобие хобота

Горлитобъединение не выдвинуло и такой теории. То ли это «секрет для маленькой такой компании», то ли просто стесняются. Впрочем, идеи это скорее не их дело. Ведь у нас же есть университет, а стало быть и ученые люди... Но и здесь мы можем увидеть ту же знакомую картину сонного царства. Светлая ученая мысль вповалку храпит в башне из слоновой кости, искренне полагая, что литература кончилась и пора расходиться. Даже мысль о том, что она здесь вот – на улицах, кажется крамольной и абсурдной. На общем безрадостном фоне приятно лицезреть разве что М. И. Сидоренко, В. Б. Анохина и Н. Т. Бушенева. Эти люди действительно стараются пробудить спящих, за что им великий поклон от проснувшихся. Отдельный поклон Игорю Эпанаеву – великому собирателю литературы череповецкой, человеку, разбирающемуся в ней лучше любого профессора. Без него действия всех троих вышеупомянутых были бы практически сведены к нулю: ведь именно он выкапывает авторов из грязи небытия. Так что, не все так уж плохо. Однако расслабляться не стоит. Литература ведь проявляется в каких-то мероприятиях: вечерах, конкурсах, презентациях. Есть у нас такое? Есть. Только уж больно как-то... Такое впечатление, что время от времени наша литература все-таки просыпается. Так, раз в десятилетие, выйдет какой-нибудь альманах. Состоится конкурс «для самых маленьких». Пройдет вечер в полусонном зале. Но все это настолько хаотично и сумбурно, что опять же создается впечатление, будто проснувшаяся литература засыпает не дождавшись окончания. А традиции? Ведь у нас же есть Башлачев! Вот кого надо бы использовать. С этим именем можно разбудить спящего!.. Башлачевские празднования действительно были. Но кроме тупого идолопоклонства мы ничего не увидели. Все ограничилось пляской дикарей вокруг своего божка. Общая идея праздника: Башлачев – велик! Куда уж нам до него... В итоге благими намерениями опять вымостили дорогу к черту на кулички. Не традиции служат нам, а мы служим традициям. Вот так ... Есть у нас еще критика... Но нет критических концепций. Все критиканство проходит по принципу: «это – хорошо, это – еле-еле, а почему – не ваше дело». А в целом – жизнь продолжается.

Вот только можно ли ее назвать нормальной? Вряд ли кто-то с этим согласится. Но такое признание – уже шаг вперед. Впрочем, и тенденция всяческого охуления тоже до добра не доведет. Ведь многие считают череповецкую культуру вторичной: Череповец – это отстойник, где местная богема с удовольствием питается московскими и питерскими отбросами... Что ж – верно. И для тех, кто вместо того чтобы вырабатывать свой стиль, предпочитает служить шестерками у авторитетов я расскажу одну поучительную историю...

нет фотографии

МАРИНА КАТЫШЕВА

Впервые её имя всплыло на поверхность во время позорница (т.е. зрелища) неформалов – «Прыжок выше головы№5». (март 1999 года) Затем про неё узнала разрежённые атмосфера ведателей искусства. Затем все остальные. И несмотря на такой разброд базовых мировоззрений, никто не сказал про неё ничего плохого. Её принимали и чёрные кожаные куртки и синие и коричневые пиджаки с одинаковой долей энтузиазма.

На чём же основана такая слава?

Во многом на манере исполнения. Те, кто её видел - в восторге. Кто слышал – тоже. Именно это – причина её популярности в суровой среде неформалов. Но главное всё же не в этом. Как ни баракхи со сцены, а если стихи плохи, то ничего не выйдет. Значит, дело не в форме, а в содержании. Секрет же достоинств открывают, как ни странно, недостатки.

Поначалу, восторги по поводу творчества Марины были так умильны и продолжительны, что слабые места никто упорно не хотел замечать. Первым это сделал М.И.Сидоренко (профессор, доктор филологических наук) И сам, называя Марину одной из самых перспективных, он тут же отмечал упорную ограниченность тематики: типичные девичьи переживания. И это в самом деле так. Какие-то экстраординарные чувства, необычные отношения к жизни, да и просто великие мысли в её стихах отсутствуют. Но именно на этой слабости и строится сила. Если поэзию превращают в жизнь, то и жизнь превращается в поэзию. Говоря языком канцелярской литературоведчины, - «происходит поэтическое осмысление жизни». Любой маломальский эпизод – это сюжет. И не думайте, что это просто стенание в стихах! Прочитав, начинаешь понимать, что такое истинная поэзия – это ... Вот почему творчества Марины Катышевой – урок и укор всем «прозаикам жизни».

Впрочем, судите сами...

Ты в белые конверты закинул спагетти,
А сверху – вместо марок – ты клеил пиццу с сыром,
И запечатав плотно, ты откровенья эти
С вечерним самолетом пускал бродить по миру.
В заляпанных трущобах и даже в высшем свете
Изысканный подарок по почте получали...
Тянули из конверта душистые спагетти,
Закусывали сыром. Забыв про все печали.
Зевнув и улыбнувшись, улыбкою приятной,
Забывшись в сизых кольцах некрепких сигарет,
Они, вскочив с дивана за адресом обратным,
Расстроено вздыхали – его, к несчастью, нет!

Университету

Оборвалась сеть глухих шагов.
Смолк унылый гул аудиторий
На полу – как сотни инфузорий -
Сотни неразгаданных следов.

От Гренады до Севильи
Протянулся лучик света...
Мне сказали по секрету
Что у солнца вкус ванили

Сердечное

Ты ходишь недовольный,
 Словно ты понюхал перца...
 Ты уходишь, а с собою
 Ты уносишь моё сердце.
 Ты его в кар ман кидаешь
 И идёшь к друзьям пить пиво.
 Обо мне не вспоминаешь
 И живёшь вполне счастливый.
 Я – как сумасшедший Данко!
 Как ведро на дне колодца...
 Где-то там, в стеклянной банке
 Моё сердце тихо бьётся.
 ... Ты идёшь домой с работы,
 Мрачный, как апостол Павел.
 Говоришь: «Представь, в субботу
 Сердце здесь своё оставил...»

Она

Из глаз её он вычерпал все слёзы,
 Разлил их по большим стеклянным банкам
 И заявил с величием Спинозы,
 Что пивший их увидит только благо
 А люди. Вдруг поверив в эти бредни
 Послали благодарность небосводу,
 И нищие монетою последней
 Платили за подсаленную воду...
 И выпив слёз, кричали: «Мало! Мало!»
 Несли ему последние богатства...
 ... И лишь она стояла и молчала.
 Не в силах рассказать о святотатстве

Я

Я – поэт звонкоголосый!
 Вестник радостного утра!
 Где бессильна «Кама-Сутра»-
 Я решаю все вопросы!
 В волосах моих кометы!
 Млечный Путь моих извилин!
 Там, где Зигмунд Фрейд бессилен
 Я даю друзьям советы!

Вариации на тему детского стихотворения.

«Уронили мишку на пол,
 Оторвали мишке лапу.
 Всё равно его не брошу,
 Потому что он хороший.»

В старой позаброшенной квартире,
 Где позеленела ручек медь,
 Плакал самый одинокий в мире
 Однолапый плюшевый медведь.
 Пыль годами оседала на паол...
 Осени тоску сменяли зимы...
 Глядя на оторванную лапу,
 Молча ждал он , что его поднимут.
 Но в квартире старой было пусто.
 Выцвел нос, пластмассовый и гладкий...
 Все его опилочные чувства
 Были в превеликом беспорядке.
 ... Много лет назад случайно брошен,
 До сих пор лежит он в той квартире.
 Твёрдо зная то. Что он ХОРОШИЙ,
 Просто самый одинокий в мире.

Глаза

Ты швырял на сто бильярдный
 Глаз за глазом, вырывая.
 Дал мне кий, а я - слепая
 Их пыталась взять обратно.
 ...Лёжа на сукне зелёном.
 На тебя глаза моргали -
 Не с упреком, не с печалью,
 А кокетливо влюблённо...

Дания

Старый призрак рвёт рубашку,
 Прекращая вить...
 Принц гадает на ромашке:
 Быть или не быть?
 Сумасшедшая красотка
 Раздаёт цветы...
 Ерик зубоскалит кротко
 И поют шуты...
 Полульняная Гертруда
 Пьёт бокал до дна...
 Я прошу: уйдем м отсюда!
 ГЛУПАЯ СТРАНА!

ВАДИМ ЭЛЕФАНТОВ

Не следует путать пародистов с паразитами. В чем суть пародии? Находится слабое место, увеличивается и рассматривается, как под микроскопом. И когда все аплодируют новому гению, пародист может крикнуть: «А король-то голый!» Так что скорее, пародиста можно назвать не паразитом, а «санитаром леса». Польза от него есть и весьма ощутимая. Далее пойдут произведения В.Элефантова, с соответствующим комментарием. Вы их почитайте и подумайте над старой народной мудростью: «На то и щука, чтобы карась не дремал.»

Вот драма абсурда... Напомню, что такой жанр гремел в 60-е годы. Выращенный французами, он должен был наглядно показать абсурдность и бессмысленность нашего бытия. На практике это представляло перенос нелогичности в физический план. Бессвязные разговоры, дичайшие ситуации, непонятные действия и много чего другого показали нам наши французские друзья. (типичный пример – творчество Э.Ионеско) Чего говорить, в философском плане это неплохие вещи, но произведениями искусства их вряд ли назовешь. Бред, да и только. На это-то и напирает Элефантов.

Жирафы в Антимире. (посв. Э.Ионеско) В 5-ти действиях.

Ремарка: в течении пьесы на сцене неподвижно стоит гроб отца народов тов.Сталина. Один за другим в Антимир отправляются 66 жирафов. 1,2,3,4 и 5 (недописанное) действия опускаются ввиду их идейно художественной бесценности.

Развязка: неожиданно из гроба восстает отец народов тов Сталин на негнущихся ногах, похожий на куклу-марионетку и сообщает озабоченным загробным голосом:

«Нет никаких жирафов,
Нет никакого Антимира,
Нет никакой обратной стороны Луны,
Да, и меня тоже нет...»

(Аплодисменты. Занавес)

Вот так бы писал Ионеско! Краткость, как известно, сестра не только таланта, но и милосердия. Но идем далее... Уолт Уитмен – классик американской литературы. Его произведения – это гимны «Америке молодой». Написаны они размашистым верлибром, со старыми добрыми гомеровскими штучками, как то: перечисления, сопоставления, преувеличения, а так же добротная мужицкая грубость. Ничего не скажешь, хороший писатель, но Элефантов, со своей стороны, не заражен американским патриотизмом. Поэтому видит все несколько по-другому...

Проститутка Америка (посв. У.Уитмену)

Сквозь дыру в небесной сфере
Я вижу дом шелудивого пастора.
Гнездо с яйцами древнего ящера.
И толстоногую курицу,
Из истории о том,
Как Америго Веспуччи открывал
Новую Америку

Никогда не забуду его исторический смех!
Он просто закинул голову и зааял,
Стоя на коленях перед той,
Которая...

В обрывках плаща торчала как еда.
В обрывках плаща торчало сочное мясо.
Она только что танцевала
Изображая пьянущую проститутку,
Отдающуюся за кусочки затвердевшего сыра,
Расплавленное олово
И устаревшие модели синхрофазотронных ускорителей.

Крепко звучит? Какой уж там американский патриотизм! А вот следующее произведение – это более тонкий образец. Посвящается оно поэтам Серебряного века, с их мистицизмом, белым стихом, верлибровщиной и каким-то необъяснимым обаянием декаданса. Но это не смех. А скорее сочувствие...

Лунное дыхание.
(Посвящается поэтам Серебряного века)

Ее звали Лунное Дыхание,
Прекрасную и безупречную, как мрамор.
Длинные волосы, как язычки пламени
Танцевали вокруг белоснежных форм.

Беззаботным мотыльком, хрустальный смех
Порхал под сводами седого замка.
Призрачный силуэт вспыхивал среди колонн
И вился ароматом дыхания Луны.

Прогулки по ночному саду, под сенью звезд,
Стрекот цикад, томление тихих вздохов и
Сплетение рук, нежность и самые безумные мечты.
Это было вино страсти, пригубленный вкус вечности.

А светлым утром снова пели соловьи.
В горячих слезах он звал своё ночное наваждение,
В отчаянии заламывая руки,
Проклиная дневной свет.

Её звали Лунное Дыхание,
Но теперь её больше нет.
Лишь сияющая сфера луны, звездная принцесса
Плывёт в его ночи,

Как духи пламени костра.
Пляски теней в воздухе...
И испив эту чашу до дна.
Он в забытии пожмёт руку смерти.

АЛЕКСЕЙ ВЕСЕЛОВ

Поэзия Алексея Веселова – это сплав традиций Востока и Запада. В ней трудно найти грань между европейским верлибром и восточными стихотворными формами. Так же сложно разобраться, где образы, свойственные японским хокку, а где голый анализ чувств. Все это переплетено в рамках каждого из стихотворений. Причем, всегда в разном соотношении.

Люди, как листья.
Распускаются. Опадают
А этого не замечает
Никто
Потому что их много.

* * *

Время остановилось.
А я, не поняв этого,
Продолжал жить
Как обычно.

* * *

Уильяму Блейку
Снежный ветер.
Открою окно.
Пусть снежинки кружатся по комнате.
Мне все равно.
Пусть ложатся на пол.
Как покрывало
Укрывают кровать...
Кажется мало.
Кричу им сквозь ветер:
Снежинки! Укройте лицо мне!
Рисуйте картинки!
Стараются выполнить просьбу.
На лицо тихонько ложатся.
Одни стекают со щек.
Другие по комнате тихо кружатся.

Хотел, чтобы радовалась ты
Всегда.
Надел наряд шутовской:
Дурацкие ужимки,
Бубенцы звенят.
А ты смотришь молча,
А в глазах
Непонимание.

* * *

Прошлое не вернуть...
А зачем оно,
Если хочешь
Жить дальше.

* * *

Есть место где—то...
Там ОНА
Не скажет тебе
«Прощай.»
Потому что нет
Такого слова
В их языке.

Гнев порождает ненависть.
Ненависть – отрешенность
Отрешенность – самодостаточность
Самодостаточность – одиночество
Одиночество учит молчанию.

Впрочем, если вы думаете, что литература наша этим и заканчивается, то вы ошибаетесь. Дальше идут произведения 23 наших авторов. Прямо-таки сборная поэтов! Вот они все по порядку:

ТИМУР ТАРЕНОВИЧ

Батрак

Я с друзьями возвращался с дачи. Проходя через железнодорожные пути, рядом с кирпичной будкой, у меня попросил закурить парнишка бомжеватого вида. Я протянул ему папиросу.

«А можно еще одну?» - хитро прищурившись, спросил оборванец. Я дал ему еще одну. «Куда направляешься?» - поинтересовался у него я.

«Домой, в подвал.» - тяжело вздохнув, ответил подросток. Спешить мне было некуда, и я решил побеседовать с несчастным ребенком.

«А где ты раньше жил?»

«В деревне Сосновка.»

«А что же у тебя случилось такое, что теперь в подвале живешь?»

«Надоело мне там. Свободы захотелось.»

«Ну-ну. И как? Трудно приходится?»

«Да, нет. Вот только жрать хочется.»

Один мой товарищ, с интересом слушавший наш диалог, подошел к бродяге, положил ему руку на плечо и неожиданно предложил: «Иди ко мне на работу. Я.» - говорит: «Таких как ты по всему городу ищу, устраиваю. У меня уже 15 душ. Иди. Жить будешь в бараке со всеми, коллектив замечательный, 3-х разовое питание, 2 выходных и, раз в год - отпуск.»

Подросток глубоко затынулся. Сделал задумчивое лицо и по-деловому спросил: «А оплата?»

«2 минимальных оклада!» - солидно ответил мой товарищ. Я удивленно посмотрел на него - мне даже и в голову не приходило, что мой друг, оказывается, рабовладелец.

Парнишка бросил окурочку на землю: «Согласен.»

Контракт писали тут же - на кирпичной стене, найденным мелом. «Значит так.» - с суровым видом продиктовал свои условия новоявленный эксплуататор: «Пиши: Я, такой-то, такой-то, устраиваясь на работу, торжественно обещаю - ответственно относиться к своим обязанностям, жить в мире с моими товарищами, ценить и уважать своего хозяина. Подпись. Так. Теперь дай мне, я напишу: В свою очередь, хозяин обязуется платить своему работнику 2 минимальных оклада в месяц.»

Я подтолкнул будущего работягу в бок и шепнул: «Проси больше.»

«Три.» - осторожно поправил пацан.

«Что три?» - удивился мой друг.

«Три оклада.»

«3... Ну, хорошо, пусть будет 3» - цифра в контракте была исправлена и работодатель с наемником перешли обсуждать мелочи. Так мы, не торопясь, подошли к трамвайной остановке. Вроде уж все было обговорено и парнишка был полон радужных надежд. В это время подошел трамвай. Внезапно мой друг резко сорвался с места и бросился к нему.

Оторопевший работник растерянно посмотрел на меня и, сделав отчаянное лицо, побежал за ним. Но куда ему было угнаться: его штиблеты были в лучшем случае на три размера больше и постоянно сваливались.

Когда я подошел к остановке, наемник жалобным взглядом провожал уходивший трамвай, на глаза его наворачивались слезы. «Как же так... Как же это,» - невнятно бормотал несчастный. Я попытался утешить его: «Не огорчайся. Завтра в четыре утра. Сбор около зенитки на Красноармейской площади. Подходи туда - он будет ждать тебя.»

После этой фразы, я оставил растерявшегося неудачника.

АЛЛАЛОУН

Я – порода лебедей на краю.
Я – из тех, которым немного жить.
Но я знаю – лебеди запоют!
Только раз, но все-таки от души.

Жаль судьба карает меня стрелой
Жаль упасть на землю и умереть.
Но я слышу музыку надо мной
Как же можно лебедю не запеть!

Ближе, ближе озера синий ком.
Ближе, ближе копыя тополей.
Выйди, выйди, сладкая, на балкон,
Поллюбуйся песнею ты моей.

Разве я тебя, любимая, не любил?
Разве я тебя, прекрасная, не ласкал?
Выходи же, ясная, выходи!
Пропади ты пропадом, грусть-тоска!

Если ты обижена – позабудь!
И не бойся впредь моих кротких слов.
Ведь я солнцу-небу родня чуть-чуть.
И не врет возлюбленным дар богов!

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Жалостливое

Как я чертовски одинок!
Я с мыслью этой не усну.
Как хочется завывать как волк,
В окно увидевши Луну.
Ну, или затрубить, как слон
Или закаркать, как павлин...
Попробуй-ка! Со всех сторон:
«Товарищ! Вы же не один!»

АСЯ БАСИНА

Моя кошка сошла с ума
Ровно в двенадцать часов.
Привиделась ей со сна
Ватага рыжих котов
Кошке совсем невдомек,
Что порядочные коты
Дрыхнут без задних ног
На коврике у плиты.
Кошка, распушив хвост,
Мявкнула громко: «Ура!»
Потом облизнула нос,
Нахального сбив комара.
В мечтах ее гордый жокав,
Лизнув ей подушечки лап,
Промурлыкал: «Значит так,
Киска, вот Вам мой белый флаг»

КАЛАШНИКОВ В.Д.

Если соединить всех людей
Головами в одну точку
И покрасить в фиолетовый цвет,
То получится соцветие
Декоративного лука.

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Если б смерть была большой
Я бы съел её с лашшой!

ИГОРЬ ОСМИНКИН

Череповецкие частушки

В городе дождей на ладонь
В гости к нам милости просим —
Вспоминать, как спирт разбавляли водой
И как крыли «Нирваной» «Осень».
В городе дождей на ладонь
Золы золотых дней,
С каких-то великих костров
Сметаются в ведра ночей.

В городе дождей на ладонь
По горло в обыденном зле,
По уши в любовной лирике,
Верхом на боевом козле.
В городе дождей на ладонь
В дар от реки Шексны :
Сестрам — цветы в грязь,
Братьям — похмельные сны.

В городе дождей на ладонь
Отныне все мы стали не те:
Соловей-разбойник обратился в рэив,
Богатыри сидят на кислоте.
Эти куртки из черной кожи,
Я обожаю очень мрачный рок.
И я балдею от того, что я еще так мало прожил.
И помни: по нам идет ток.

В городе дождей на ладонь
Девушка-красавица живет.
Черт возьми, я все время думаю о ней
И мечтаю, что она меня ждет.
Время разбрасывать зерна,
Пока их не сожрали мыши.
Посмотри на меня, убей меня,
Я и так стою пьяный на крыше.

В городе дождей на ладонь
Встретился мне лейтенант Мак Клейн.
Он спросил меня: «Ты любишь смотреть на огонь
В копоты сжигающих дней?»
Я подумал: «Дело — дрянь, вот в чем соль.»
И сказал старик, тот что шел впереди:
«Мне Земля свидетель: когда вокруг боль.
Ты должен быть чистый сердцем, как ни крути.»

Я пою те песни, что можно спеть.
Музыка — то чем мы живем.
Таблы и бубны белый медведь,
Тексты БГ под стеклом.

Десять степных волков кричат:
«В игре, наверняка, есть брешь.»
И мы там были, мёд-пиво пили,
Слушали OFFSPRING ≈ ZMASH ≈.

В городе дождей на ладонь
Я родился в драконовый год.
Я для кого-нибудь стану звездой,
Ведь дождь никогда не врёт.
Неба в стакан налей,
Да, взмахни рукавами рек.
В городе холодных дождей
Ночью выпал первый снег.

ИВАН ЗАЙЦЕВ

Кладбище у моего дома.

Мама сына провожала на войну
И молитву повторяла лишь одну:
«Береги себя, сыночек, на войне
И почаще посылай ты письма мне...»

...И с тревогой открывает мать письмо,
Словно чувствует, что беду несёт оно:
«Мама, мама, тяжело ранен я в бою,
Но твой образ я по-прежнему храню.»

И опять в руках у матери конверт —
Полк, где сын служил, старушке шлёт привет:
«Ваш сыночек и наш товарищ боевой,
Был солдатом с добрым сердцем и душой.»

...Сердце матери удара не снесло,
Сердце дрогнуло, едва пришло письмо...
...И на кладбище у дома моего,
Мать лежит в земле близ сына своего...

Белым мелом, да по чёрной по стене,
Я пишу, пишу два слова: «Нет войне!»
Но маляр стирает надпись на стене —
Это значить не видать конца войне.

Рядом с домом моим кладбище растёт.
В жертву молодых парней война берёт.
Молодые погибают на войне.
Кто же жить тогда останется в стране?

А.В.ЧУКАРАНКА

Муки творчества

(эпюд в чеховском стиле)

«Но ты только подумай, какие мы с тобой оба дураки: ищем у ягнёнка сердце, а никому из нас и в голову не придёт, что у ягнёнка-то ведь сердца не бывает!»

«Э,»- сказал святой Пётр: «Да это ты что-то выдумываешь! Ведь у каждого животного имеется сердце, почему же не быть ему и у ягнёнка.»

Волшебные сказки народов мира. М., 1992 (стр.381)

Молодой длинноволосый поэт Зяблик Ахалкин решил писануть какой-нибудь шедевр. (С тех пор, как он стал поэтом, он решил писать исключительно шедевры.) Он сел с задумчивым видом у окна и его рука, будто бы независимо от тела, вывела:

«Безнадежно воеет на Луну
Одинокий волк в седом тумане...»

Зяблик судорожно закусал кончик ручки. Мысли не шли. Проклятая Луна с волком заводила его в тупик. Он понятия не имел с чем их связать.

« О любви может написать?» - Зяблик быстро сменил позу на еще более задумчивую, и и через минуту появилось:

«Я всегда любил тебя одну,
О тебе одной лишь думал, Таня...»

Посидев еще минуту, Зяблик принял самую задумчивую из своих поз и пришел к выводу, что так не годится. «Лучше написать «Аня». Лишнюю букву всегда можно приписать, если что. Чем потом зачеркивать»

Аккуратно переписав, Зяблик с удовольствием поставил точку. Затем окинул четверостишие умиленным взглядом автора и, одновременно, суровым взглядом критика. Такова уж была его широкая поэтическая натура. «Да,» - подумал он: «Смотрится стильно. Но причем здесь волки? Стихи вроде о любви, а не о санитарях леса.» При мысли о санитарях, Зяблик поежился.: «Такое высокое и светлое чувство и вдруг – волки воют. Хорошо еще змеи не шипят...» Впрочем, Зяблик был не из тех людей, которые расстраиваются по пустякам: «Можно ведь, в конце концов, принять это за метафору... За гиперболу какую-нибудь.»

Успокоенный таким объяснением, он продолжил свой творческий процесс, на этот раз вдохновенно глядя в потолок.

«Не поверишь? Правильно, не верь
Ты словам – вместилищу обмана...»

Что же дальше-то?» - Зяблик попытался смоделировать ситуацию. А что бы он сказал в таком случае: «... Не поверишь... Тоже мне принцесса на горошине!.. Ну, так проверь!»

Зяблик почувствовал какое-то колыхание мысли. Секунд пять он старался понять, что именно гениального было в его последней фразе, а потом написал:

«Ты в глаза мои взгляни – проверь,
Что среди словесного тумана...»

«Вот оно – проверь!» - как –то так случилась, что Зяблик сначала написал, а потом уже осознал написанное: «Проверь! А что проверять-то?» Зяблик призвал к повинению весь свой поэтический арсенал, но ничего достойного для своего шедевра там не нашел.

«Эх, грехи мои тяжкие, да неверие в благодать,» - Зяблик, чувствуя, что застрял надолго, прибег к испытанному приему чукотских кудесников слова: что вижу о том и пою:

«Я играл симфонию любви,
И застрял как раз на этом месте..»

«Застрять-то застрял, а две строчки уже прибавилось.» - Зяблик попытался представить себе как он играет эту самую симфонию на рояле, при свечах и зеркалах и вдруг умолкает, чем-то как громом пораженный. Но его прихотливое поэтическое воображение рисовало ему причину застревания в том, что клавиш на рояле все же больше, чем пальцев на обеих руках.

«Эх, сыграть бы в четыре руки!» - Зяблик чуть было не подумал «или ноги», но решил, что такие мысли должны быть чужды его таланту принципиально. Вдохновляясь порывно, он взялся за перо и поставил в своей симфонии последний мажорный аккорд:

«Но что мы отдельно не смогли,
Мы, конечно доиграем вместе.»

«Ай, да Зяблик! Ай, да сукин сын!» - хлопнул он себя по колену и пошел кружить по комнате.

ЛЮБЯЩИЙ СНЕГ

СЕРГЕЙ КРУГЛОВ

Ветер. Листья. Прохожий в шляпе.
Вечер. Пристань. Закатный свет.
Ветер вскинул по-рысьи лапу –
Есть прохожий, а шляпы нет.
Покатилась она – и птицей
Чуть не змыла под облака..
Ухарь-ветер, не надо злиться
На добрейшего чудака!..

СЕРГЕЙ ИГРАЕВ

В гиперпространстве трещина
Чёрных дыр множество.
Млечный Путь скукожился.
Кислород кончается..
Два космонавта друг с другом ругаются.
Как ни крути.
Жизнь продолжается.

Фурий, ты готов и Аврелий тоже
Провожать Катуллу, хотя бы к Инду.
Я ушел, где море бросает волны
На берег гулкий
Гай Валерий Катулл

За собой мосты, корабли сжигаю.
Освещаю путь от огней пожаров,
Что сминают память, как лист бумаги,
Грею мне сердце.

Пусть мне без нее нету в жизни счастья.
Не вернусь я к ней, ни сейчас, ни после!
Я иду вперед, а Луна на небе
Скалит мне зубы.

Нет, не напишу я записки кровью!
Хоть она, беспспорно чернил красивей.
Мне ее любви опостылой больше
Даром не надо!

Только о моей пусть любви забудет!
По ее вине иссушилось сердце
Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть
Гай Валерии Катулл

Д. МАХИН

Восточная сказка.

Это правда, малыш, что у мальчишек горячее сердце. Даже старинные сказки говорят об этом. Знаешь ли ты, как схватили принца Бахтияра, когда он скрывался от злого отчима, желавшего его смерти? Это очень старая история.

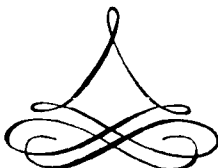
Туристан был богатой страной. Плоды туристанских садов и искусство его мастеров были известны далеко за рубежами этой маленькой горной страны. Велика была красота дочерей Туристана, как и велика была отвага его сыновей. И только одно омрачало жизнь в этом райском краю. Злой Фарис преступным путем захватил власть и женился на матери Бахтияра и стал шахом, повелителем Туристана. Царевич рос, и недалек уже был день его совершеннолетия, когда он по закону должен был ступить на престол своего отца – легендарного владыки Туристана. Вот почему шах Фарис так желал его смерти.

Много бед и приключений перенес юный царевич, скрываясь от преследовавших его воинов визиря Хамада – верного пса шаха Фариса. Добрая душа и бесстрашие юного принца, его ум сила, а также его искусство воина и наездника не раз спасали его от врагов. Но вот путь привел его, усталого и израненного, к воротам женского монастыря, в котором воспитывались юные девушки этой страны. Настоятельница приняла его омыла его раны, напоила целебным снадобьем и приказала его, уснувшего, положить в комнату, где спала тысяча девушек. Осторожная монахиня-настоятельница приказала расчесать его волосы и нарумянить его лицо так, чтобы нельзя было отличить принца от девушки.

Прошло немного времени, как в монастырь ворвался отряд под предводительством самого Хамада, исполненного ядовитой мудрости хитроумного советника шаха Фариса. Эти люди не признавали никаких законов. В их руках были обнаженные мечи и они жаждали крови. Тем временем, Бахтияр мирно спал в девичьей кровати и счастливо улыбался удивительным сном, которые обитали в этом чистом монастыре. Нухеры Хамада обыскали все уголки и потайные места монастыря. Они осторожно осмотрели зал, в котором спали воспитанницы и заглянули в лицо каждой из них. Но царевича среди них узнать было невозможно. И тогда Хамад приказал отрядить лучших наездников и дать им самых быстрых коней. Он приказал им быстро скакать и подняться высоко в горы, чтобы собрать самых свежих цветов, распускающихся у самого края горных снегов и, не жалея коней, спешно доставить их в монастырь.

Когда они вернулись, он приказал воинам положить по подснежнику у лица каждой девушки. Он сказал: «смотрите на цветы. Та, у лица которой скорее завянет цветок, и есть принц!» Старый злодей знал, что дыхание юноши теплее и что свежий цветок скорее завянет у лица царевича. Именно так и произошло. Быстро увяло нежное растение на подушке Бахтияра, когда остальные цветы были еще свежими. И тогда враги набросились на спящего царевича, связали его и, ожидая награды, направилась с ним к царскому дворцу.

Вот так попал в руки злого шаха царевич Бахтияр.

ВИКТОР КИЧКАРЕВ

Принцесса и барабан.

Барабан был очень важным и каждый день зазнавался. Он чувствовал себя пузатым арбузом – пум-бум-бум-м! В отличие от некоторых, ему не нужно было надувать щеки. Слышите, как гудит его великолепная кожа? А он, барабан, так и пыжится. Кажется, еще мгновение – и его разорвет на части. «Но нет! Не дождетесь! То-то» - Барабан гордо поглядывал на своих коллег: медные трубы, кларнеты и геликон. И всякий раз маленькая Флейта-пикколо не выдерживала серьезной паузы и начинала хихикать над задавкой своим тоненьким голосочком. «Раньше времени!» - щелкала на нее острая Дирижерская Палочка. Но ее голос тонул в лавине фортиссимо. Звук обрушивался на город и деревья начинали маршировать. А дома отдавали честь под козырек! А шаловливое Эхо кидалось отголосками нот направо и налево и уносило бравую мелодию далеко-далеко.

Иногда – ра-м-та-та-там, бум – Барабан начинал запинаться. Вернее, ошибались его верные палочки. А если еще вернее, это барабанчик по имени Тимур, ну тот, что в блестящей каске, отвлекался, совсем забывая про ритм. Каждый день, на одном и том же месте около башни, в которой жила Принцесса. Путь оркестра проходил через сквер, по проспекту на центральную площадь. И когда бравые музыканты-пожарники топали мимо злополучной громадины башни, Тимур очень хотелось взглянуть на юную Принцессу. «Хотя бы одним глазком, пусть на секундное мгновение, пусть! Какие они бывают, эти королевские дочки?!» - думал про себя барабанчик Тим.

Геликон, по праву самого старшего и, разумеется, большого, сильно кричал и грозил кулачками ошибавшемуся Барабану. А тромбоны с трубами старались спотыкаться вместе с ускользящим из под ног ритмом: тра-та-бум, та-та, при этом некрасиво вздыхая и шаркая, как лошадки.

Однажды весной, все птички в городе расчирились не на шутку. Да, и Солнце что-то уж слишком сияло золотой улыбкой. И Барабан как-то по особому разважничался. «Уж не влюбился ли он?» - шептались втихаря инструменты, в паузах между игрой. «Нет, это Тимур, хозяин его виноват.» - спорила со своими соседями Медная Труба: «Посмотрите, как он подтанцовывает во время марша! А воробы? Ну, что им, скажите на милость, кружиться около оркестра? Еще месяц назад они от наших пожарных маршей удирали и прятались кто куда! Это Тим привлекает их своей физиономией.»

А Тимур, действительно, был в неслыханном ударе. И потому Барабан ударял не просто так, а с вдохновением! Чтобы хоть как-то привлечь внимание Принцессы, Тим, втайне от всех, вместе с Барабаном разучил виртуозное соло: та-бум, ра-та, та-бум, рум-та! Уже на подходе к заветной башне, он сначала потихоньку, а потом все настойчивее, принялся выстукивать музыкальную оду.

Барабан так разважничался, так надулся, что даже покраснел. Вид его, честно сказать, был презабавнейший. От такого зрелища и виртуозного таратенгения (руки Тима слились с деревянными палочками и стали походить на ветряную мельницу) смеялась уже не только Флейточка-пикколо, но и интеллигентный Кларнет. А когда возмужденный Барабан решил помочь хозяину и принялся квакать и крякать, от смеха не удержался даже Гобой. А за ним и Тромбоны-оглобли! Весь оркестр, вместе с дирижером во главе, включился в увлекательную игру! Вот Труба пропела импровизацию, ее тут же подхватил Геликон и зарычал носорогом. Дирижерская Палочка металась, как угорелая, слева направо и сверху вниз! Жители окрестных домов повысовывались в окошки. А самые веселые выскочили на улицу и пустились в пляс!

Наконец, и Принцесса белым облаком появилась на балконе своей башни. Зевнула, потянулась и удивленно похлопала ресницами. Следом за ней... вышел прекрасный Принц, с корзиной цветов в руках. Но Тимура, увлеченного собственной игрой, это обстоятельство уже не волновало. Он пребывал на седьмом небе от счастья.

Принцесса взяла охапку цветов и швырнула ими в Дирижера. А Тиму же она слегка улыбнулась. Еще мгновение и прекрасная Принцесса скрылась в покоях башни. «И стоило так пыжиться?» - размышлял разочарованный Барабан: «Я очень старался для своего хозяина и все зря?»

«Нет-нет! Ты здорово помог нам, ты молодец!» - заголосили оркестровые инструменты в унисон: «Если бы не ты, мы бы уснули на полдороги. Ведь каждый день одно и тоже!»

«Когда ты задаешься просто так – это смешно, как будто ты перезрелый арбуз,» – промурлыкала Флейточка: «Но сегодня ты был великолепен.»

А Тимур? Что с ним? После этого случая, он на удивление быстро подружился с Дирижерской Палочкой. И теперь все свободное время машет ею, что есть силы. «Далеко пойдет!» – говорят про него пожарные.

КЛИМИНА ИДА

Конец осени

Догорает осень в кончиках ветвей,
Нет, не бушевал здесь жаркий суховей,
То Хозяин-холод, Стужа да Мороз
Забросали лужи листьями берез.
Там лист-одиночка огоньком лампы
На ветру трепещет, не желая падать
Держится героически на микронах точки
А внизу тускнеют братья уголёчки
У зеленой ели, в ореоле пышном
Стройная березка на прогулку вышла.
Крона вся в веснушках ярко золотится,
Как она сумела так принарядиться?
Отпылав, осина раньше всех остыла,

Покрывалом корни бережно укрыла
У неё под боком, в потайной темнице
Спит уж сном глубоким добрая грибница.
Камень седовласый у подножья склона
Получил доспехи бронзового клёна.
Осень тихо ветви сонные качает,
Так сама природа зимушку встречает.
Пусть густые травы полегли, посохли,
Пусть давно рябины от дроздов оглохли.
Пусть не различаешь, где ольха, где ива.
Дорогая Осень! Ты всегда красива!

СЕРГЕЙ ГОРБУНОВ

Никогда мне не увидеть света
Погасишь глаз твоих.
Я стал как камень тих,
Под звуки скорбного сонета.

Полночный сумрак вечностью рождённый
Проник под эти звуки в глубину души,
Вонзив печали острые ножи
В растерянностью разум побеждённый.

МИША СИЛИН

Белый дым, закрывая собою закат,
Объясняет для нас, кто был прав-виноват.
Он, напомнив собой океанский прибой,
Нас повлек за собой на решающий бой.
Небеса говорят – человеку не жить!
Ветры буйны просили голов положить...
И теперь белый дым – океанский прибой
Нас повлек за собой на решающий бой.
Погляди, как горят очищены костры,
Встали призраки в ряд – их секиры остры.
Вдаль пойдет красный шар исполинской волной,
Оставляя лишь дым за собой...и за мной.

DARA

Тяжёлый луч луны
Упал на землю эту,
Где все поражены
Холодным красным светом.
Где память – как трава
Растёт в кровавом мире,
И все красно от туч,
Поднятых стаяй пыли.

Дней вереница в хоровод замкнулась
И тёмное безволие души
Определило её путь в глуши,
Калитка боли с скрипом распахнулась.

Под нот усталых сладкое сплетенье
Волшебной цепью жизни ствол сковав.
На растерзание последнее отдав.
Пришло холодной стали утешенье.

?

Видения

... Но скоро из пропасти небытия
 Восстанут картины мелом.
 Здесь конь на крупе несет от меня
 Женщину с хилым белым.
 Камни-чресла, чудовищный скрежет
 Заглушат рыдания милой босой,
 Конь унесет ее от меня.
 Мой бедный рассудок – стой!...

... И в хороводе на дне стакана,
 В сыгучих песках Сахары,
 Идет караван в Стамбул из Даккара
 Султана Хаджи Рахмана.
 Я знаю, тот конь ему друг и слуга,
 Меня не обманет грим.
 Я шумно сморкаюсь,
 Султан Рахман тут же исчез.
 И бог с ним....

... А на берегу, я встретил пана.
 Пан помахал мне рукой и пропал...

Й, Д, СЕРЕДБЕРИ

Хоббитская дорожная (ободряющая)

Все тело сплющило дождем,
 Но мы идем, но мы идем.
 Нам ветки падают на грудь,
 Но в нас давно подохла грусть.
 Нам мох не кажется страшон,
 Он просто тайной окружен.
 Вороны каркают нам вслед,
 А нам плевать, нас просто нет.
 А плакать нам совсем нельзя,
 И так вся мокрая земля.
 Мы лучше будем хохотать,
 Чтобы всю нечисть распугать.
 Туман руками развели,
 И свет увидели вдали.
 Нас ждет веселый солнца луч,
 Он не допустит царства туч.

МАЙРАМ

Ницше

Жуют... Копят дух дохлых масс.
 Поют... Режут мир дохлый.
 Дают... Жаждут бить мимо нас.
 Давно молят. Мстят долго.

Хотят коклы Рим квасить...
 Ревут мало. Кровь портят.
 За окном твари жгут мясо птиц.
 Допить водку... Дно видно.

ПТАХА

Может солнце встающее?
 Может птицы поющие?
 Может день или ночи тень?
 Я не помню уже.
 Майский сон,
 Страшный гром,
 Лунный свет,
 Темный грот...
 Где ты радость моя?

И печали не знающий,
 Жизнь мою изучающий,
 Он простит...
 Он поймет тебя.

АРМАН де ГРАММОН

Солнцу горло перерезали
 В ноябре.
 Из Ромео стали Крезами
 На заре.
 И конец печальной осени
 Запоздал.
 Не начав, уже забросили.
 Всё, привал.

ОЛЕГ ФОФАНОВ

Если приходит июнь
На своих ногах волосатых,
Что мы делаем?
Обрастаем бумагами
И в штанах полосатых
Собственных путаемся.
И булькаемся и плаваем,
Если приходит июнь.

И приходит июнь
На ногах волосатых.
Проявляется солнце
На штанах полосатых,
Проявляются шрамы
Одуванчиков желтых.
И плаваем
На экзаменах странных,
И в кафельных ваннах
Умываем соленые губы.
И горячие трубы
Срочно требуют новых
Совершенней различных,
Прочих подвигов личных.
И иного.

Для чего-то другого
Не приходит июнь.

ЛИНДА БЕЛЯКОВА

Белые стихи

Белые стихи -
Странно сонно.

Странно сонно -
Глухо пошепчет

Белая метель

За окном снежинки.

Мятая постель -

На щеках слезинки.

Холодно одной -

В тишине тоскливо.

Хочется тепла

На душе *паршиво*.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧЕВ

Подари мне ночку, подари -
Пусть хоть я не очень интересный...
От зари - до утренней зари
Сделай расставанье расчудесным.
Без любви, не велика беда -
Ты припнешь сбоку на постели,
Как в случайных связях - кто, когда,
Близостью разбудишь в сердце смелость.
И оно из будничной тоски
Прыгнет в праздник, будет сильно биться,
Ты зажатой будешь, как в тиски,
Встрепенешься пойманною птицей
И не трать силу на борьбу,
Оба мы сдаемся в плен объятий,
Наши ласки вылетят в трубу,
Словно дым от пламенной кровати..
И приблизив родственную связь,
Воспылавшей страстью, - мы утихнем...
Утром друг от друга удалясь,
Стали б вспоминать ту ночь без лиха.

СОЛА В.

Я шагну в эту ночь,
Заступив за окно.
Ты прими свою дочь,
В мире этом темно.

Я скажу тебе,
Ночь, ты заполни собой
Пустоту на душе
Панацеей любовью.

Я иду в эту ночь,
Заступив за черту.
Ты прими свою дочь
В этот рай как звезду.

ГРАВИТОН

Куда я попал?

Ты привела меня к себе на день рождения домой.
Ты объявила всем гостям, что я здесь свой.
Какой же свой? Я помню их убитый взгляд.
Ну, что сказать? Я тоже рад,
Я долго ждал, когда твой папа сядет рядом со мной.

И разговоры вдруг перешли на меня.
О том, какой я интересный, но кто Это я?
Когда же поняли все, какой я неформал,
У них от счастья за тебя пропал речи дар.
И слишком быстро закрутилась Земля.

Куда я попал? Мне так холодно здесь,
Но гости взмокли.
Они видят меня в гробу в кошмарном сне,
И плавают в супе макароны,
Наверное, сдохли.
Я уйду и твоя мама скажет всё,
Что думает обо мне.

Твой папа непробиваем, как железобетон.
Мне легче гопником стать, чем таким, как он
Я не врубаюсь в футбол, он не въезжает в металл.
Где мои вещи? Куда я попал
И как назло ты принесла мне свой семейный альбом.

Какой кошмар. Глаза закройте. Закройте мне глаза!
И вот сказала твоя тетя, что так смеяться нельзя.
Да, я почти не смеялся – я просто ржал.
Потом меня унесли, чтобы я замолчал.
Хотел идти, но уломали посидеть полчаса.

А в это время разыграли целый матч в домино.
Как ты могла, как ты решила быть с ними заодно.
Да, ведь глупая игра! Слушай, я пошёл.
Ну, неужели ты не знаешь, кто из них козел?
Причем здесь я? Да мне все равно.

Я не хотел с тобою ссоры, не хочу и теперь.
Ты тоже долго не хотела открывать мне дверь.
Но ты не переживай, не твоя вина,
Что я ещё немного и сошел бы с ума.
Зато, я точно запомню твой день рожденья, поверь.

КАЛЧА

Чёрные, серые дни
Проходят довольно странно.
Девки, вино, кабаки...
Вспоминаю довольно туманно.

Алчные, подлые лица -
Это уже не вновь.
Но вот явилась зарницей
Рыжая дева-любовь.

Улыбка стала добрее,
Не надменной, холодной ухмылкой.
Я бы сказал о любви,
О яркой, красивой и пылкой.

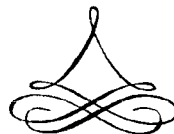
Думаю – всё одно.
Но говорю вам всё же:
Любить сейчас не модно...
И больно, однако. Тоже.

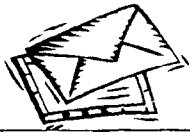
Больнее, чем боль снаружи,
Жгучая, как ожог.
Она может сердце рушить
Равнодушным, тупым ножом.

Ш. ЛЮТОВЕЦКИЙ

Сколько храмов разрушенных, Господи!
Бросить всё и бежать бы вон.
Растоптав алмазов россыпи
И шелка золотых знамён.

И стихи и цветы прекрасные
И лучи неземных светил.
И глаза молчаливо-ясные,
Тех, кто верил и всё простил.

Однако, мы сделаем большую ошибку, мой уважаемый читатель, если будем считать, что литература нашим городом и заканчивается. Чтобы не вариться в собственном соку, вот вам произведения авторов из разных городов России. Читайте, сравнивайте с нашими, делайте выводы. /

ТАТЬЯНА ФАДИНА (новосибирская обл.)

Война

Во мгле горящей,
В тишине...
Где месяц, клубами дымящий,
Стожаром лег в моей душе,
Где все костром и дерьмом пропиталось,
Успокоить я нервы пытался...
Вокруг рыдания,
Женщин, стариков, детей страдания.
Вокруг ходили руки,
Страшнее всякой бури.
И я с мешочком за плечом,
Шел, как побитый кирпичом.
Как в одурманенном тумане,
Бежали люди, кто куда,
И не забуду как сказали:
«За Родину, сынок, пора!»
И к черту армию
И Родину подальше...
Хочу домой я, к маме.
Что стоят муки наши...
Я не умею воевать,
Оружие в руках держать.
Нас не учили в школе,
Как закаливать сердце и волю.
Нас не учили людей убивать.
Поймите, я не хочу стрелять.
Пусть я умру...
Но мать с братишкой ждут,
Я дотяну.
И пусть моих товарищей убьют,
Я тоже буду убивать...
За них, за брата и за мать...
Я не сломаюсь,
Я напысь.
Я не сломаюсь,
Продержусь.
Жди, мать, и я вернусь!
...И снова день

Темнее всякой ночи.
И не ложится тень,
И минута часа не короче,
И выстрелы и крики.
И кровь, как море разлилась.
Ребята все лежат побиты.
Зачем нам жизнь далась?
И сколько я увидел боли
Не хватит слез, чтоб все отмыть
И матерям всем только горе...
И я, как ребенок реву.
Я не хотел идти на войну,
Я петь хочу, хочу любить...

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВ (г.Вологда)

Удивительный лес над ленивой рекой.
В этом сказочном месте живет мой покой.
Я туда иногда ухожу от беды,
Его мягкие мхи мои прячут следы.
Его стройные сосны мне словно родня,
Своим теплым кольцом окружают меня.
И бормочут смолистые сказки свои
О заснеженных днях и о волчьей любви,
О кукушкиных праздниках, о существах,
Что живут лишь в туманах и чьих-нибудь снах,
Как закатное солнце склоняет весы,
Как я скоро уйду, посмотрев на часы.
Как мой плот в океане моих будних дел
И я тот, кем я быть бы совсем не хотел.

ЛЕНА КАЛЯГИНА (г.Вологда)

Уходишь вдаль, вновь унося мою печаль.
 Меня возьмешь? Не отвечай, не отвечай.
 Я буду ждать, пусть слезы вновь текут из глаз.
 Я буду ждать, я буду думать лишь о нас.
 Мне страшно жить, мне страшно верить и любить.
 Я буду ждать, когда уйдешь в вечерний час.
 Я снова здесь и слезы вновь текут из глаз.

ЕВГЕНИЙ РУДИНСКИЙ (г.Москва)**Плач по динозаврам**

Динозавры родимые,
 Динозавры зеленые,
 Стегозавры колючие,
 Диплодоки огромные!
 Птеродактили быстрые,
 Крылья гордо носящие!
 Вы такие могучие,
 Вы такие шипящие!
 Ой же вы, травоядные,
 Ой вы, прямоходящие!
 То как лед вы прохладные
 То как пламя горячие!
 Что ж вы Землю оставили,
 На кого нас покинули?
 Словно снег вы растаяли,
 То бишь, с холода сгнули.
 Эх, родные, хорошие!
 Как на вас бы пахали мы!
 Из костей ваших, добрые,
 Мы бы избы наставили.
 Колбасы бы наделали,
 Ведь хвосты ваши длинные.
 Что же, что вы наделали?
 На кого нас покинули?

ЕЛЕНА ПОПОВА (г.Вологда)

Разбилась чашка,
 Выпал из моих неловких рук.
 Такая белая,
 С цветочками на боку.
 Она раскололась
 На две половинки:
 С ручкою и без...
 Вообще-то
 Ничего не случилось.
 Просто
 Разбилась чашка.

* * *

Всю ночь шёл дождь
 И лужам слишком мокро,
 А сквозь замыганные стёкла
 Не пропускает свет окно.
 И мне, пожалуй, всё равно,
 Что будет завтра и сегодня,
 Когда прошедшего уж не вернёшь...
 Всю ночь шёл моросящий дождь.

ИРИНА КОРШУНОВА (г.Новосибирск)

Я играю в жестокие игры.
 Мои куклы живые люди.
 Я вонзаю в сердца их иглы.
 Ну, а дальше... - а будь, что будет.
 Вы всего лишь мои игрушки.
 Управляю, как миг подсажет.
 Разноцветные безделушки...
 Что ж, наверное, Бог накажет.
 Что жестока, горда, порочна -
 Не скрываю. Я откровенна.
 ...Только тот, кто читает сквозь очи -
 Тот прошепчет тихонько: «Блаженна...»

для самых маленьких

ЮНЫЙ ДРУГ!

Вот и открыл ты последнюю страницу нашей летописи. И тебе, наверное, хочется узнать: а как же мы определяем истинную поэзию? Что ж, смотри...

Оценка литературного произведения происходит по трем критериям:

- 1) Новаторство
- 2) Идеиное содержание
- 3) Эстетическая ценность

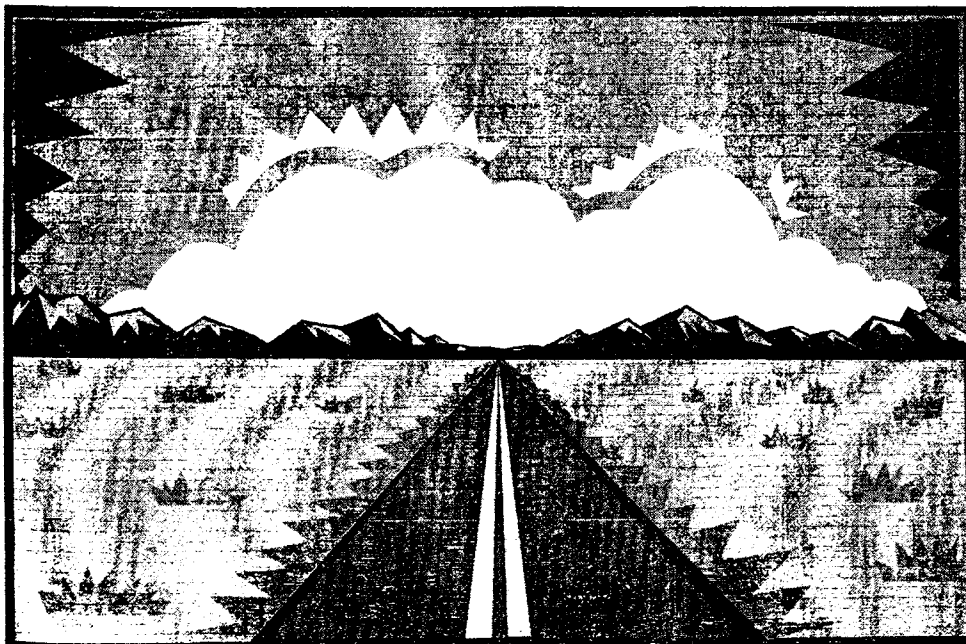
Первое – самое сложное. Ведь литература – это словесное искусство. Стать новатором – значит открыть новые способы изображения словом. Только настоящие великие писатели могут это.

Второе – не менее важно. Только при наличии идейного смысла появляется настоящая литература. Без него – это всего лишь словесная игрушка, как бы красива она ни была.

Третье – это форма второго и критерий первого. Эстетическая ценность – это красота произведения, точность изображения. Это то за что любят литературу. Любое новаторство ценно, если эстетично. Любая идея дойдет до читателя лишь в том случае, если будет облачена в хорошую словесную форму.

Вот это и есть наши критерии.

До свидания, малыш!

СОБЫТИЕ

Безусловно событием сентября 2000 года является сборник стихов Игоря Эпанаева. Сборник выпущен принтерным способом, иллюстрации выполнены молодым художником Вольдемаром Флором, презентация предполагается в виде концерта неформалов. Что же касается самих стихов, то определить их жанр можно как «философские плевки». Отношение к ним у большинства интеллигентствующих людей не слишком-то хорошие. Но происходит это от недостатка читательской культуры. Дело в том, что поэзия И.Эпанаева основана не на идеях, а на образах. Читать её нужно так же, как читают японские трёхстишия – хокку: подключать своё визуальное воображение. Вот например:

Я увидел каскадёра
Сильного-пресильного.
Он разрушил ползабора
Длинного-предлинного.

Какое тут идейно-тематическое содержание? Самый борзый литературовед его не найдёт. А искать и не надо! Надо просто представить себе описываемую картину: некто, пусть даже и каскадёр, по какой-то причине разрушил (не сломал, а именно разрушил!) «ползабора длинного-предлинного». Причём, именно «ползабора», а не больше и не меньше. Если вам не смешно, значит у вас отсутствует чувство юмора. Вот ещё:

Припёрся к Ваде я,
Наелся радия,
Напился олова -
И было здорово.

Тоже полный бред, если подходить с точки зрения поиска скрытых смыслов. Но в том-то и дело, что нет здесь никакого смысла! Это описание. Не видеть этого может лишь тот, кому вообразить такое или что-то подобное не удаётся. Ну, уж тут надо обращаться к другим врачам...Ну, и кроме того, обратите внимание на рифму. Богатая рифма, чего там говорить. А вот стихотворение:

Не хотим с любимы мы,
А хотим с любимыми.

Здесь всё богатство идей строится только необычной рифмой. Так что разговоры о бумагомарательстве идут от людей некомпетентных.

Конечно, слабые стороны есть и у нашего героя дня. И в первую очередь – это отсутствие всякой цензуры по отношению к своему творчеству. Рядом с великолепным произведением можно встретить такую нелепицу, что диву даёшься: да один ли человек их написал? Ещё больше не любят его за слишком хорошую память. Уж больно любит он мусолить свои старые стихи. И про «цече» и про «жизнь мою хорошую» и про многое другое. Ну что ж, киньте в Гошу камень, кто безгрешен...

Клишиной Наде в благодарности за
угасие в журнале.
Н.Кузнецов.